

АРИЭЛЬ: НАД ТАЙГОЙ



ДМИТРИЙ ПРАВДИН

Дмитрий Pravdin

АРИЭЛЬ: НАД ТАЙГОЙ

«Автор»

2026

Pravdin Д.

АРИЭЛЬ: НАД ТАЙГОЙ / Д. Pravdin — «Автор», 2026

В глубине сибирской тайги, за колючей проволокой «Объекта Кедр», восемнадцатилетний Ариэль живёт в тяжёлом комбинезоне, который должен прижать его к земле. Но экспериментальные препараты сделали обратное: его клетки изменили гравитационный след, и теперь он легче воздуха. Когда руководство решает перевести его в «сектор изоляции» для вивисекции, Ариэль сбегает — впервые взмыв над верхушками кедров. Но полёт над бескрайней тайгой оказывается опаснее клетки: ледяной ветер, истощение, преследование наёмников корпорации и понимание, что он больше никогда не сможет ходить по земле как обычный человек. Мрачная история в духе Dark Academia и биопанка о мальчике, который обрёл небо, но потерял дом. О природе, которая мстит за вмешательство. И о том, что настоящая свобода всегда требует жертв.

© Pravdin Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Падение «Кедр-Ноль»	6
Глава 1. Объект «Кедр»	7
Глава 2. Легче воздуха	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дмитрий Pravdin
АРИЭЛЬ: НАД ТАЙГОЙ

Глава

Пролог. Падение «Кедр-Ноль»

Двадцать семь лет назад. Зима. Сибирь.

Вертолёт Ми-8 летел над тайгой на высоте двухсот метров, когда правый двигатель задохнулся и умер.

Пилот, капитан второго класса Виктор Зубов, попытался авторотацию. Ручка циклического шага дрожала в его перчатках. Высоты не хватало. Лес приближался с пугающей скоростью — бесконечная щетина елей и кедров, покрытая снегом, равнодушная к людям и их машинам.

На борту находились шесть человек. Четверо учёных из закрытого НИИ-47. Один военный куратор. И один ребёнок. Мальчику было три года. Он сидел в специальном кресле, пристёгнутый ремнями, и молчал. Он всегда молчал.

Удар пришёлся на кроны. Ветви ломались, как спички, замедляя падение, но не останавливая его. Кабина смялась. Лыжи оторвались. Хвостовая балка переломилась пополам, отбросив винт в сторону.

Тишина.

Потом — треск остывающего металла и запах керосина, смешанный с хвоей.

Выжил только ребёнок. Его нашли через двое суток. Он сидел в сугробе, в трёхстах метрах от обломков, голый, без единой царапины. Снег вокруг него был растаявшим, словно мальчик излучал тепло. Но когда спасатели подняли его на руки, они почувствовали странное: ребёнок почти ничего не весил.

Военный куратор, полковник Савельев, прибыл на место крушения через четыре часа. Он осмотрел обломки, тела, следы на снегу. Потом взял ребёнка на руки, посмотрел в его огромные, немигающие глаза и произнес одно слово:

— Кедр.

Так началась программа «Объект Кедр». Не как лечебный центр. Не как санаторий для сирот. А как лаборатория. Место, где из сломанного мальчика попытались собрать нового человека.

Программа пережила распад Союза, сменила пять директоров, три раза меняла название и юридический статус. Она пережила приватизацию, когда в 2009 году перешла под контроль частной корпорации «НеоГенетикс». Она пережила санкции, утечки данных и две проверки Генпрокуратуры, которые закончились ничем, потому что проверяющие не нашли даже дороги, ведущей к объекту.

Но она не пережила Ариэля.

Эта история — о том, как один мальчик, которого научили бояться неба, однажды в него взлетел. И уже никогда не спустился.

Глава 1. Объект «Кедр»

Туман здесь не рассеивался никогда. Он висел над верхушками вековых кедров плотной, серой, непроницаемой стеной, поглощая звуки, свет и надежду. Казалось, что само небо опустилось на землю и легло отдохнуть, забыв встать.

Ариэль стоял у окна своей камеры, прижавшись лбом к холодному стеклу. За тройным слоем бронированного поликарбоната простиралась бесконечная сибирская тайга. Зеленое море, которое не имело берегов. Ни одной дороги. Ни одной линии электропередач. Ни одного человеческого следа. Только деревья, мох, снег и туман. Здесь, на «Объекте Кедр», время измерялось не часами и не днями, а циклами инъекций. Укол утром. Укол вечером. Между ними — серый коридор, серый пол, серые лица.

Ему было восемнадцать. Или девятнадцать? Он перестал считать дни после того, как у него забрали настенный календарь. Сказали: «Он отвлекает от терапии». С тех пор Ариэль ориентировался по свету. Зимой рассвет наступал поздно, закат — рано. Летом свет не уходил почти совсем. Так он и считал: сколько длинных дней прошло, сколько коротких.

Камера была маленькой. Три на четыре метра. Кровать, привинченная к стене. Стол, привинченный к стене. Унитаз из нержавеющей стали, тоже привинченный. Всё, что не было прикручено, могло стать оружием или инструментом побега. А на «Объекте Кедр» побег считался самой тяжёлой формой болезни.

Дверь с шипением пневматического замка открылась. В комнату вошёл санитар в белом халате, который пах хлоркой и чем-то сладковато-металлическим, напоминающим старую кровь. Санитара звали Игорь. Или, может быть, Олег. Ариэль не помнил. Их лица сливались в одно.

— Время процедуры, Объект 7-А, — произнес он без эмоций. Голос был таким же серым, как стены.

Ариэль не обернулся. Он знал, что будет дальше. Каждый день одно и то же. Сначала тяжелый, прорезиненный комбинезон, который весил почти сорок килограммов. Его надевали на всех воспитанников каждое утро. Объясняли это «терапией для укрепления костно-мышечного аппарата и коррекции осанки». Но Ариэль чувствовал другое. Комбинезон давил не на мышцы. Он давил на саму суть его существования, словно пытался прижать к земле то, что рвалось вверх. Каждый шаг в этом костюме был подвигом. Поднять ногу. Перенести вес. Опустить. Снова поднять. К вечеру ноги гудели так, что он не мог уснуть.

Санитар помог ему натянуть грубую ткань. Молнии защёлкнулись с финальным лязгом, похожим на звук захлопывающейся крышки гроба. Ариэль сделал шаг и едва не упал. Ноги дрожали. Спина ныла. Каждый шаг был борьбой с гравитацией, которая вдруг стала не просто силой природы, а врагом.

— Сегодня новый препарат, — сказал санитар, доставая из холодильника шприц с мутной, зеленоватой жидкостью. Жидкость слегка флуоресцировала в полумраке камеры. — Разработано доктором Харитоновым. Для стабилизации нейронов. Он сказал, что это важно.

«Важно», — подумал Ариэль. Всё здесь было «важно». Важно есть. Важно спать. Важно не задавать вопросов. Важно не смотреть в окна слишком долго. Важно не говорить с другими объектами. Важно молчать.

Игла вошла в вену на сгибе локтя. Холод разлился по телу, достигая сердца, словно кто-то влил в его вены ледяную воду. Ариэль зажмурился. В голове вспыхнули образы: белые стены, лица других детей, которые исчезали один за другим, увезенные в «сектор изоляции». Коля, который умел гнуть ложки взглядом. Лена, чья кожа меняла цвет в зависимости от настроения. Миша, который слышал радиоволны. Никто из них не возвращался.

— Директор Писарев ждёт отчётов о вашей подвижности, — добавил санитар, убирая шприц в контейнер для утилизации. — Не пытайтесь бегать. Датчики веса в полу откалиброваны с точностью до грамма. Любое отклонение от нормы будет расценено как попытка побега. А вы знаете, что бывает за побег.

Ариэль знал. Сектор изоляции. Трепанация. Забор биоматериала. Утилизация.

Дверь закрылась. Пневматический замок щёлкнул. Ариэль остался один в тишине, нарушаемой лишь монотонным гулом вентиляции и далёким, едва слышным шумом генераторов, питающих объект.

Он посмотрел на свои руки. Они казались чужими. Бледными, худыми, с синими венами, проступающими под кожей, как реки на карте. Под кожей пульсировала странная энергия, тихая, но настойчивая, как весенний ручей подо льдом. Он не знал, что это. Но он чувствовал, что это растёт.

Он сделал вдох. Воздух был затхлым, переработанным фильтрами, но ему показалось, что он стал легче. Слишком лёгким. Словно гравитация в его камере ослабла на долю процента. Никто бы не заметил. Но Ариэль заметил. Он всегда замечал вещи, которые другие считали незначительными. Потому что в мире, где ты заперт, мелочи становятся вселенной.

Он лёг на кровать. Пружины заскрипели. За окном шумела тайга. Где-то далеко выл волк. Или ветер. Ариэль не мог отличить одно от другого. Здесь всё звучало одинаково: одиноко.

Глава 2. Легче воздуха

Ночь на «Объекте Кедр» была абсолютной. Ни звёзд, ни луны — только непроницаемое чёрное небо и огни периметра, режущие тьму жёлтыми лучами прожекторов, которые поворачивались с механической точностью каждые тридцать секунд.

Ариэль лежал на жёсткой койке, слушая своё дыхание. Препарат, введённый утром, вызывал странное покалывание в кончиках пальцев и вдоль всего позвоночника. Ощущение было похожим на то, когда долго сидишь в неудобной позе, а потом резко встаёшь — кровь приливает к голове, мир плывёт, пол уходит из-под ног. Только сейчас он лежал. И пол не уходил. Уходило его тело.

Он перевернулся на бок и случайно, чисто механически, оттолкнулся ладонью от матраса, чтобы удобнее устроиться.

Вместо того чтобы просто сместиться на несколько сантиметров и лечь обратно, его тело плавно, почти незаметно для глаза, приподнялось над поверхностью кровати. Сначала на сантиметр. Потом на пять. Потом на десять.

Ариэль замер. Сердце пропустило удар, затем забилося с удвоенной силой. Он моргнул, решив, что это галлюцинация от лекарств. От нового зелёного препарата. Но нет. Его ноги не касались пола. Спина не ощущала давления матраса. Он висел в воздухе, в десяти сантиметрах над кроватью, словно пушинка в восходящем потоке тёплого воздуха.

Паника хотела захлестнуть его ледяной волной, но вместо неё пришло любопытство. Древнее, инстинктивное, доисторическое любопытство существа, впервые почувствовавшего, что мир не обязан его держать.

Он медленно вытянул руку вперёд. Движение далось легко, слишком легко, будто сопротивление воздуха исчезло. Он подтянул колени к груди. Тело послушно свернулось в клубок, продолжая парить. Он повернулся на бок — и его тело повернулось в воздухе, как пловец в невесомости.

«Это невозможно», — пронеслось в голове. Но факты были неумолимы. Советские наработки, о которых шептались старшие воспитанники перед тем, как исчезнуть навсегда. Эксперименты с гравитационным полем биологических клеток. Изменение плотности цитоплазмы. Перестройка клеточных мембран.

Ариэль осторожно, миллиметр за миллиметром, оттолкнулся ногой от спинки кровати. Он плавно скользнул через комнату, минуя стол и стул, и завис у потолка. Бетонная плита нависала над ним, серая, холодная, покрытая пятнами сырости. Он протянул руку и коснулся её пальцами. Твердая. Реальная. Холодная.

Он улыбнулся. Впервые за многие годы. Улыбка вышла кривой, испуганной, но настоящей. Живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.